

Рене Генон

НОВЫЙ мир

Перевод с французского

Минский корпус Рене Генона
guenon.ru
2026

Оригинал: René Guénon. Le Monde Nouveau, juin 1930, article signé René Guénon (год издания: 1930).

Редакция перевода от 02.10.2026.

Текст на сайте с параллельным французским оригиналом:

https://guenon.ru/1930_LMN.html

Электронное издание. Минский корпус Рене Генона

Файл сформирован 13.10.2026.

Содержание

Дух Индии.....	5
----------------	---

Дух Индии¹

Противопоставление Востока и Запада, сведенное к своим простейшим терминам, в сущности тождественно тому, о котором говорят в отношении созерцания и действия. Мы уже неоднократно объясняли это и рассматривали различные точки зрения, с которых можно рассматривать соотношение этих двух понятий: действительно ли это две противоположности или, скорее, два взаимодополняющих понятия, или же между ними нет, на самом деле, отношения не равной связи, а подчинения? Поэтому здесь мы лишь очень кратко изложим эти соображения, необходимые для понимания духа Востока в целом и Индии в частности.

Точка зрения, с которой созерцание и действия просто противопоставляются друг другу является наиболее внешней и поверхностной из всех возможных. Противоположность действительно имеет внешнее бытие, но она не может быть абсолютно несводимой; к тому же, то же можно сказать о любых противоположностях, которые перестают быть таковыми, как только мы поднимаемся выше определённого уровня, того, на котором их противопоставление имеет свою реальность. Если речь идёт о противоположности или контрасте, это означает отсутствие гармонии или равновесия, то есть что-то такое, что может существовать только при частной и ограниченной точке зрения; в совокупности всех вещей равновесие складывается из суммы всех нарушений равновесия, и все частные беспорядки волей-неволей содействуют всеобщему порядку.

¹ Опубликовано в журнале «Новый мир», июнь 1930, и в журнале «Исследования Традиции», 1937. Позже статья была опубликована в журнале «Исследования Традиции» в номере за ноябрь 1937, а также в книге «Очерки об индуизме» (1967) как глава II.

Рассматривая созерцание и действие как взаимодополняющие понятия, мы встаём на точку зрения более глубокую и более верную, чем предыдущая, потому что здесь противоположность примиряется и разрешается, её два термина в некотором роде уравнивают друг друга. В этом случае речь идёт о двух равно необходимых элементах, которые взаимно дополняют и обосновывают друг друга, образуя двойную активность, внутреннюю и внешнюю, одного и того же существа, будь то человек, взятый в отдельности, или человечество, рассматриваемое в целом. Эта концепция, несомненно, более гармонична и более удовлетворительна, чем первая; однако, если остановиться на ней, то в силу установленной ей корреляции, возникает искушение поставить на один и тот же уровень созерцание и действие таким образом, чтобы удерживать между ними равновесие, насколько это возможно, не ставя вопрос о приоритете одного из них над другим. Однако на самом деле этот вопрос всегда возникал, и в отношении противопоставления Востока и Запада можно сказать, что оно заключается именно в том, что Восток придерживается превосходства созерцания, тогда как Запад, в особенности, современный Запад, утверждает, напротив, превосходство действия. Здесь речь идёт уже не о точках зрения, каждая из которых может иметь своё основание и может быть принята как выражение даже относительной истины; поскольку отношение в форме подчинённости может быть только односторонним, это две концепции взаимно исключают друг друга, так что одна из них обязательно истинна, а другая — ошибочна. Следовательно, необходимо делать выбор, и, возможно, необходимость этого выбора никогда не была столь настоящей и неотложной, как в нынешних обстоятельствах; возможно, в ближайшем будущем она станет ещё более неотложной.

В наших работах, на которые мы ссылались выше², мы показали, что созерцание превосходит действие, как неиз-

² «Восток и Запад»; «Кризис современного мира»; «Духовное владычество и мирская власть».

менное превосходит изменение. Действие, будучи лишь переходной и мгновенной модификацией существа, не может иметь в себе самом свой принцип и достаточное основание; если оно не связано с принципом за пределами своей обусловленной области, оно является чистой иллюзией; и этот принцип, из которого оно черпает всю реальность, на которую способно, своё бытие и саму свою возможность, может находиться только в созерцании или, если угодно, в знании^А. Точно так же, изменение в своем самом общем смысле непостижимо и противоречиво, то есть невозможно без принципа, из которого оно исходит и который (будучи именно его принципом), не может быть ему подчинён, и, следовательно, необходимо является неизменным; на именно поэтому в Западной античности Аристотель утверждал необходимость существования «неподвижного двигателя» всех вещей. Очевидно, что действие принадлежит миру изменения, «становления»; только знание позволяет выйти из этого мира и его ограничений, и когда оно достигает неизменного, оно само получает неизменность; так как всякое знание сущностно является отождествлением со своим объектом. Именно этого не понимают современные Западные люди, подразумевающие под знанием только рациональное и дискурсивное, а значит не прямое и несовершенное или такое, которое можно назвать знанием через отражение; и всё чаще даже это знание низшего рода они ценят только в той мере, в какой оно может прямо служить практическим целям: вовлеченные в действие до степени отрицания всего, что его превосходит, они не замечают, что само действие из-за отсутствия принципа также низводится до уровня суеты, настолько же напрасной, насколько бесплодной.

В социальной организации Индии, являющейся только применением метафизического учения к человеческому порядку, отношения знания и действия представлены в отно-

^А Иак. 1:25 ...кто вникнет в закон совершенный, закон свободы, и пребудет в нём, тот, будучи не слушателем забывчивым, но исполнителем дела, блажен будет в своем действии — прим. пер.

шениях двух первых каст, брахманов и кшатриев, соответствующими функциями которых они и являются. Говорится, что брахманы — это тип стабильных существ, а кшатрии — тип существ подвижных и изменчивых; таким образом, все существа этого мира, в соответствии со своей природой, принципиально находятся в связи с одним или с другим типом, в силу совершенного соответствия между космическим и человеческим порядком. Это, конечно, не означает, что действие запрещено брахману, а знание — кшатрию, но они пригодны для них только условно, а не сущностно. *Свадхарма*, то есть собственный закон касты в соответствии с природой принадлежащего к ней существа, заключается в знании для брахмана и в действии для кшатрия. Поэтому брахман выше кшатрия, как знание выше действия; другими словами, духовная власть выше мирской, и только признавая свою подчинённость первой, вторая будет законной, то есть будет действительно тем, чем она должна быть; в противном случае, отделяясь от своего принципа, она сможет исполняться только беспорядочно и фатально придёт к своей гибели.

Кшатриям и нормальным образом принадлежит вся внешняя власть, поскольку область действия — именно внешний мир; но эта власть есть ничто без внутреннего, чисто духовного принципа, воплощаемая владычеством брахманов, в котором она находит своё единственное настоящее основание, или гарантию. В обмен на эту гарантию кшатрии должны с помощью располагаемой ими силы обеспечивать брахманам средство выполнения их функции знания и обучения в мире, вдали от беспокойств и волнений; этот порядок выражается фигурой Сканды, Повелителя войны, охраняющего медитацию Ганеши, Повелителя знания. Таковы верно соблюденные отношения мирской и духовной властей; и если бы так происходило всегда и везде, между ними не могло бы возникнуть никакого конфликта и каждая занимала бы место, принадлежащее ей по праву в соответствии с иерархией функций и существ, иерархией, строго соответ-

ствующей природе вещей. Легко увидеть, что место, принадлежащее кшатриям, а следовательно, и действию, даже будучи подчинённым далеко не незначительно, поскольку оно включает всю внешнюю власть: военную, административную и судебную, которые она синезирует в царской функции. Брахманам необходимо исполнять только незримое владычество, которое, будучи таковым, может игнорироваться простыми людьми, от чего оно не перестаёт быть принципом всей видимой власти: это владычество подобно оси, вокруг которой обращаются все вещи, фиксированной оси, вокруг которой мир совершает своё вращение, неподвижному центру, который направляет и упорядочивает космическое движение не участвуя в нём; именно этот смысл содержит древний символ свастики, являющийся поэтому одним из атрибутов Ганеши.

Следует добавить, что место, которое должно быть отведено действию, будет большим или меньшим в зависимости от обстоятельств; в этом отношении народы фактически подобны индивидам, и природа одних преимущественно созерцательная, а других — деятельная. Без сомнения, нет другой такой страны, где способность к созерцанию была бы так распространена и так повсеместно развита, как в Индии; именно поэтому её можно рассматривать как исключительное представление восточного духа. И напротив, среди западных народов совершенно очевидно, что склонность к действию у большинства преобладает; и даже если бы эта тенденция не была искажена и преувеличена, как это происходит в настоящее время, она всё равно сохранялась бы так, что созерцание оставалось бы делом очень ограниченной элиты. Однако, и этого было бы достаточно, чтобы порядок сохранялся, так как духовное владычество, совершенно противоположно материальной силе, ни в коей мере не основано на количестве; но в настоящее время Западные люди фактически являются людьми без каст; ни один из них не занимает место и не выполняет функцию, которые, которые соответствовали бы его природе. И этот беспорядок, нет

смысла этого скрывать, быстро распространяется, и похоже, даже достигает Востока, хотя затрагивает его пока только поверхностно и частично, в противоположность тому, что могли бы представить те, кто, имея о Востоке представления, основанные только на его более или менее озападных представителях, не подозревают, насколько малое они там имеют значение. Это, однако, не отменяет опасности, которая, так или иначе, может по крайней мере временно обостриться; «западная угроза» — не пустые слова, и Запад, будучи её первой жертвой, похоже, хочет привести всё человечество к разрушению, угрожающему ему самому по его же вине.

Речь об угрозе беспорядочного действия, которое становится таковым лишаясь своего принципа; такое действие само по себе есть чистое ничто, и привести оно может только к катастрофе. Можно возразить, что раз оно может иметь бытие, значит его беспорядочность всё равно в конечном итоге включена в универсальный порядок, в котором она является составной частью вместе со всем остальным; и с высшей точки зрения это совершенно верно. Все существа, знают они об этом или нет, хотят они этого или нет, полностью зависят от своего принципа всем, чем они являются; даже беспорядочное действие возможно только через сам принцип всякого действия, но поскольку оно не осознаёт этот принцип и не признает подчинённости ему, оно лишено порядка и положительной эффективности, и, если можно так выразиться, оно обладает только самой низкой степенью реальности, той, которая ближе всего к чистой иллюзии, именно потому, что она наиболее удалена от принципа, исключительно в котором содержится абсолютная реальность. С точки зрения принципа всё есть порядок; но с обусловленной точки зрения беспорядок существует, и говоря о земном человечестве, мы находимся в эпохе, где беспорядок торжествует.

Можно задаться вопросом, почему это так, и индусская доктрина с её теорией космических циклов даёт ответ на

этот вопрос. Мы находимся в кали-юге, в тёмном веке, где духовность сведена к своему минимуму в соответствии с законами развёртывания человеческого цикла, которые подразумевают, так сказать, прогрессирующую материализацию в течение некоторых периодов, из которых текущий является последним; под человеческим циклом мы здесь понимаем именно продолжительность манвантары. К её концу всё смешивается, перемешиваются касты, перестают существовать даже семьи: разве не это мы видим сейчас повсюду? Следует ли из этого, что текущий цикл завершается и вскоре мы увидим зарю новой манвантары? Так действительно хочется предположить, особенно учитывая всё возрастающую скорость событий; но, возможно, беспорядок ещё не достиг крайней точки, возможно, человечеству нужно спуститься ещё ниже, погрузиться в крайности полностью материальной цивилизации, прежде чем оно сможет подняться к принципу и к духовным и божественным реальностям. Впрочем, это неважно: рано или поздно это нисходящее развитие, которое современные Западные люди называют «прогрессом», найдёт свой предел, и тогда закончатся «тёмный век»; появится Калки-аватар восседающий на белом коне в тройной диадеме, знаке верховной власти в трёх мирах, пламенным мечом в руке, подобным хвосту кометы; тогда мир беспорядка и заблуждения будет разрушен, и силой очистительного и возрождающего Агни все вещи будут восстановлены и возрождены в целостности примордиального состояния, конец настоящего цикла станет одновременно началом будущего. Те, кто знает, что так и должно быть, даже в худших обстоятельствах не могут утратить неизменного спокойствия; как ни было бы неприятно жить в эпоху потрясений и почти повсеместной тьмы, они не затронуты этим внутри себя, и именно это составляет силу истинной элиты. Несомненно, если эта тьма будет все больше и больше распространяться, эта элита может, даже на Востоке, сократиться до очень малого числа, но достаточно того, чтобы лишь некоторые хранили в целостности истинное

знание, чтобы быть готовыми, когда придёт время, спасти всё то, что ещё может быть спасено из современного мира, что и станет зародышем мира будущего.

В настоящее время только Восток может выполнять эту роль хранителя традиционного духа со всем, что это на самом деле подразумевает, если понимать это в самом глубоком смысле; мы не имеем в виду весь Восток, поскольку, к сожалению, беспорядок, исходящий с Запада, может затронуть некоторые его элементы; но только на Востоке все ещё существует подлинная элита, в которой традиционный дух сохраняется со всей своей жизненной силой. В других местах то, что от него осталось, сводится к внешним формам, значение которых уже давно почти непонятно, и если что-то из Запада можно спасти, то это будет возможно только с помощью Востока; но нужно, чтобы эта помощь, чтобы быть эффективной, нашла точку опоры в Западном мире, и это такие возможности, о которых в настоящее время было бы очень трудно сказать что-то определённое.

Как бы то ни было, Индия в некотором смысле занимает привилегированное положение во всем Востоке в том отношении, которое мы рассматриваем, и причина этого в том, что без традиционного духа Индия стала бы ничем. Действительно, индуское единство (мы не говорим индийское) не является единством расы или языка, оно исключительно единство традиции; индусами являются все те, кто фактически придерживается этой традиции, и только они. Это объясняет то, что мы говорили ранее о способности к созерцанию, более распространенной в Индии, чем где-либо ещё: участие в традиции действительно полностью эффективно только в той мере, в какой оно подразумевает понимание учения, а она состоит прежде всего в метафизическом знании, поскольку именно в чистом метафизическом порядке находится принцип, из которого производно все остальное. Вот почему Индия представляется более специально предназначенной для того, чтобы до конца поддерживать превосходство созерцания над действием, противопоставлять своей

элитой непреодолимый барьер вторжению современного западного духа, сохранять нетронутым, посреди мира, взволнованного непрерывными изменениями, сознание постоянного, неизменного и вечного.

Следует хорошо понимать, что неизменным является только принцип и что применения, которые он находит во всех областях, могут и даже должны варьироваться в зависимости от обстоятельств и эпох, поскольку, в то время как принцип является абсолютным, применения относительны и условны, как и мир, к которому они относятся. Традиция допускает бесконечно множественные и разнообразные адаптации в их модальностях; но все эти адаптации, если они производятся строго в соответствии с традиционным духом, есть не что иное, как нормальное развитие определённых следствий, извечно содержащихся в самом принципе; следовательно, во всех случаях речь идёт только о том, чтобы сделать явным то, что до сих пор было неявным, и таким образом субстанция, сама суть учения, всегда остаётся неизменной при всех различиях внешних форм. Применения могут быть самыми разными; таковы, в частности, не только уже упомянутые социальные институты, но и науки, когда они действительно являются тем, чем они должны быть; и это показывает существенное различие, которое существует между концепцией традиционных наук и концепцией наук, какими их сформировал современный западный дух. В то время как первые приобретают всю свою ценность благодаря своей связи с метафизическим учением, вторые, под предлогом независимости, узко замкнуты в самих себе и могут претендовать только на продление дальше и дальше, но не выходя за пределы своей ограниченной области и не отодвигая её границы ни на шаг, анализ может продолжаться таким образом неограниченно долго, но без того, чтобы когда-либо продвинуться дальше в истинном познании вещей. Не из-за ли неясного ощущения этого бессилия современные люди стали предпочитать исследование знанию или просто потому, что это бесконечное исследование

удовлетворяет их потребность в непрерывном движении, которое хочет быть самоцелью? Что могут сделать Восточные люди с этими пустыми науками, которые Запад претендует принести им, тогда как они обладают другими науками, несравненно более реальными и обширными? Малейшее усилие интеллектуальной концентрации даёт им гораздо больше, чем все эти фрагментарные и разрозненные взгляды, этот хаотический набор фактов и понятий, связанных только более или менее причудливыми гипотезами, с трудом построенными для того, чтобы быть немедленно опрокинутыми и замененными другими, которые тоже не будут иметь более прочной основы. И не стоит чрезмерно превозносить, полагая, что это компенсирует все их недостатки, промышленные и технические применения, к которым привели эти науки; никто не сомневается в том, что они имеют по крайней мере эту практическую пользу, тогда как их умозрительная ценность скорее иллюзорна; но это то, чем Восток никогда не сможет по-настоящему заинтересоваться, он слишком мало ценит эти чисто материальные преимущества, чтобы жертвовать своим духом, потому что знает, насколько велико превосходство созерцания над действием и что всё приходящее — ничто по сравнению с вечным.

Итак, подлинная, то есть не есть эта более или менее модернизированная (то есть вестернизированная) Индия, о которой мечтают некоторые молодые люди, воспитанные в университетах Европы или Америки и которые, как бы горды они ни были внешними знаниями, приобретенными там, всё же, с Восточной точки зрения являются совершенными невеждами, составляющими, несмотря на свои претензии, полную противоположность интеллектуальной элите в том смысле, в котором мы её понимаем. Истинная Индия — та, которая всегда остаётся верной учению, передаваемому её элитой через века, та, которая в полноте сохраняет содержание традиции, источник которой дальше и выше, чем само человечество; это Индия Ману и риши, Индия

Шри Рамы и Шри Кришны. Мы знаем, что это не всегда была страна, которую сегодня называют этим именем; несомненно, что со времени первоначального арктического пребывания, о котором говорят Веды, она последовательно занимала много различных географических положений; возможно, что она займет ещё и другие, но это неважно, так как она всегда там, где находится местопребывание этой великой традиции, сохранение которой среди людей есть её миссия и основание существования. Через непрерывную цепь мудрецов, гуру и йогов она продолжает существование^Б сквозь все превратности внешнего мира, непоколебимая как Меру, она будет длиться столько же, сколько *санатана* дхарма (что можно перевести как *Lex perennis*, с той точностью с которой это позволяют западные языки), и она никогда не перестанет созерцать все вещи третьим глазом Шивы в безмятежной неизменности вечного настоящего. Все враждебные усилия в конечном итоге разобьются о силу истины, как облака рассеиваются перед Солнцем, даже если им удастся на мгновение скрыть его от наших взглядов. Разрушающее действие времени не касается только того, что превосходит время: оно поглотит всех, кто ограничил свой горизонт миром изменения и поместил всю реальность в становление, кто сотворил себе кумира из случайного и временного, ведь «жертвующий богу становится его пищей», но что оно может сделать тем, кто носит в себе сознание вечности?

^Б Здесь автором употреблён глагол *subsiste*, означающий не условное бытие (*existence*) или неизменное существование (*être*), а «существование на основании наличия высшего основания», которое в русском языке можно было бы перевести как «жить чем-то» — прим. пер.